ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 44 Пятница, 23 ноября (6 декабря) 1901 г. № 44

Исторія портрета графа В. А. Перовскаго.

По возвращеніи, въ апрѣлѣ 1840 г., изъ хивинскаго похода въ Оренбургъ, Перовскій ходатайствовалъ чрезъ военнаго министра графа Чернышева о новомъ походѣ на Хиву, но на всѣ его представленія не получалъ никакого отвѣта: графъ Чернышевъ не сочувствовалъ этой затѣѣ, да и вообще, сильно не долюбливалъ „выскочку" Перовскаго. Василій Алексѣевичъ хотѣлъ было ѣхать въ Петербургъ лично ходатайствовать о томъ передъ Николаемъ Павловичемъ, но (въ апрѣлѣ 1841 г.) получилъ извѣстіе, что Государь отправится въ Варшаву, а оттуда — съ Императрицей въ Эмсъ, и при томъ же до него дошли слухи, что и эта экспедиція для него не пройдетъ даромъ. Безпокойное, томительное лѣто провелъ пылкій Василій Алексѣевичъ, съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія Императора изъ-за границы. Наконецъ, онъ получилъ радостное извѣстіе: Николай Павловичъ прибылъ въ столицу. Безостановочно, сломя голову, поскакалъ Перовскій въ Петербургъ, чтобы поскорѣе выслушать, можетъ быть, грозный и суровый царскій приговоръ *).

На другой день, по пріѣздѣ туда, по установленному порядку, онъ сначала отправился къ военному министру. Но гр. Чернышевъ принялъ его сухо, въ общей пріемной, и на заявленіе Перовскаго представиться Императору, небрежно отвѣтилъ.

— Я извѣщу, когда Его Величеству угодно будетъ васъ видѣть...

Цѣлыхъ четыре недѣли ждалъ Перовскій этого извѣщенія. Наканунѣ дня представленія Чернышевъ прислалъ къ нему адъютанта явиться завтра въ Михайловскій манежъ, гдѣ имѣетъ быть разводъ въ присутствіи Государя.

На слѣдующій день, въ 9 ч. утра, одѣвшись въ полную парадную форму, Перовскій отправился по приглашенію. Въ манежѣ уже было все готово. Съ минуты на минуту ждали пріѣзда Государя и Великаго Князя Михаила Павловича. Перовскій, не поздоровавшись ни съ кѣмъ, всталъ въ сторонѣ отъ прочихъ генераловъ. Это крайне раздражило военнаго министра, и онъ послалъ своего адъютанта предложить ему присоединиться къ общей группѣ представляющихся, дабы не нарушать обычнаго порядка. Василій Алексѣевичъ выслушалъ адъютанта и, не проронивъ въ отвѣтъ ни слова, медленно началъ ходить взадъ и впередъ по избранному мѣсту. Графа Чернышева еще больше взбудоражилъ такой поступокъ. Онъ посылаетъ другого адъютанта съ такимъ же требованіемъ, но и послѣдній передаетъ тотъ же молчаливый отвѣтъ.

Вдругъ все зашевелилось, говоритъ очевидецъ *); въ дверяхъ манежа показался Императоръ въ сопровожденіи Великаго Князя Михаила Павловича. Быстро обойдя фронтъ и поздоровавшись съ войсками, Государь, взглянувши въ сторону, къ своему ужасу, вдругъ замѣтилъ высокую фигуру генерала съ приподнятой подъ козырекъ рукой. Чело его нахмурилось: нарушилась дисциплина.

— Кто это? — недовольнымъ голосомъ спросилъ онъ военнаго министра.

— Генералъ-адъютантъ Перовскій, Ваше Величество.

— Перовскій?!—воскликнулъ Государь и быстро направился къ нему.

— Здравствуй, Перовскій!—обнялъ онъ его.—Какъ я радъ тебя видѣть! Давно пріѣхалъ?

— Уже около мѣсяца въ Петербургѣ.

— Почему же ты до сихъ поръ ко мнѣ не показывался?—вспылилъ Государь.

— Такъ было угодно г. военному министру, — спокойно отвѣтилъ Василій Алексѣевичъ.

Лицо Императора омрачилось. Не глядя на растерявшагося и поблѣднѣвшаго Чернышева, Николай Павловичъ, поручивъ Великому Князю замѣнить себя на парадѣ, взялъ Перовскаго подъ руку, и они вышли изъ манежа и отправились во дворецъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Перовскій, по приглашенію Государя, переѣхалъ на жительство въ Петергофъ, гдѣ въ то время былъ дворъ, и ему тамъ отвели особые покои.

Василій Алексѣевичъ безъ утайки все разсказалъ Николаю Павловичу о своей неудавшейся хивинской экспедиціи. Государь былъ тронутъ его героизмомъ и мужествомъ и перенесенными лишеніями солдатъ, и приказалъ ему немедленно сдѣлать общее представленіе къ наградамъ участниковъ похода. А когда списокъ былъ готовъ, Николай Павловичъ поручилъ самому Перовскому „лично передать его гр. Чернышеву для исполненія".

Хотя такое вниманіе къ нему Императора было пріятно и враги его, такъ скоро поднявшіе головы, этимъ унизились, однако, ради успокоенія

*) „Русскій архивъ" 1891 г., IV, стр. 591.

*) „Русская Старина", 1896 г., VI, 530.

Массовое крещеніе дѣтей въ Берлинѣ. (См. стр. 351).

умовъ. Василій Алексѣевичъ самъ просилъ избавить его отъ обязанностей начальника Оренбургскаго края и дать ему время отдохнуть, успокоиться и залѣчить старые недуги и раны. Государь изъявилъ согласіе. Перовскаго пожаловали членомъ государственнаго совѣта, а на его мѣсто въ началѣ 1842 года назначили ген.-лейт. Обручева. Мало этого, Императоръ повелѣлъ отпустить ему 20 тыс. рублей на поѣздку для леченія за границу, а въ воспоминаніе этого памятнаго случая придворному художнику Брюлову поручено было написать портретъ его въ томъ самомъ мундирѣ, въ которомъ онъ вытерпѣлъ униженія отъ военнаго министра въ Михайловскомъ манежѣ.

Портретъ написанъ въ натуральную величину (около сажени вышины и 1½ аршина ширины), въ широкой золоченой рамѣ. В. А. Перовскій представленъ на немъ полуанфасъ, во весь ростъ, уже пожилымъ, въ красномъ атаманскомъ казачьемъ мундирѣ съ генералъ адъютантскими эполетами и эксельбантами; темносинія брюки николаевскаго покроя поверхъ сапоговъ съ раструбленными (на два узла) узкими носками. Лѣвой рукой онъ опирается на металлическую гусарскую саблю, какую въ 40-хъ годахъ носили казаки, а въ правой держитъ высокій мерлушковый киверъ съ длиннымъ султаномъ и этишкетами. Тонкая талія его опоясана серебрянымъ шарфомъ съ кистями, на груди орденъ св. Георгія, двѣ медали (за Отечественную войну 1812—1814 г.г., и турецкую кампанію 1828-1829 г.г.) и двѣ звѣзды. Позади него вѣстовой казакъ, въ мохнатой папахѣ татарской формы, съ остроконечнымъ верхомъ, держитъ его любимаго сѣраго коня, который рвется на дыбы. Еще дальше (на заднемъ планѣ) въ туманѣ виднѣются казачьи палатки и развернутые полки.

Сначала портретъ былъ поставленъ въ Зимнемъ дворцѣ и долгое время находился тамъ. Но послѣ несчастнаго случая, когда въ заговорѣ противъ правительства была замѣшана Софья Перовская, дочь бывшаго министра и племянница Василію Алексѣевичу, покойный Императоръ Александръ III, увидя какъ-то этотъ портретъ, спросилъ:

— Кто это?

— Перовскій, Ваше Императорское Величество.

— Уберите! Мнѣ тяжело его видѣть: онъ всегда будетъ наводить на Меня тяжелыя воспоминанія.

И вотъ тогда портретъ перенесли въ Эрмитажъ, гдѣ онъ стоялъ въ неизвѣстности до тѣхъ поръ, когда, по предложенію военнаго министра, бывшій наказный атаманъ оренбургскаго войска ген.-лейт. Астафьевъ (телеграммой отъ 14 февраля 1883 г.) просилъ передать его оренбургскимъ казакамъ съ тѣмъ, чтобы „помѣстить оный въ пріемной залѣ наказнаго атамана или войсковомъ штабѣ". На другой день (15 февраля) на просьбу эту послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Въ апрѣлѣ портретъ прибылъ въ Оренбургъ и поставленъ въ голубой (казачьей) залѣ караванарайскаго зданія, построеннаго Перовскимъ.

Астрахань,
ноябрь 1901 г.

П. Юдинъ.

Маршалъ Бернадотъ.

„Бернадотъ, Наполеонъ и Бурбоны (1797—1844)"—таково заглавіе новой книги Л. Пиньо. Она посвящена характеристикѣ одной изъ самыхъ интересныхъ историческихъ личностей—дѣятеля революціи, гасконца съ крайняго юга Франціи, которому судьба судила быть королемъ на крайнемъ сѣверѣ — въ странѣ, населенной совершенно своеобразнымъ племенемъ—съ ярко выраженной національностью, надменнымъ аристократизмомъ и сложными историческими традиціями. Сынъ бѣднаго судебнаго пристава и внукъ портного изъ городка Пау, Жанъ-Баптистъ Бернадотъ сталъ Карломъ-Іоганомъ XIV, королемъ Швеціи и Норвегіи. Въ сочиненіи Пиньо, Наполеонъ и Бернадотъ стоятъ рядомъ, занимая весь передній планъ; все остальное—лица и событія, составляютъ задній фонъ, декорацію. Между мрачнымъ, замкнутымъ въ себѣ корсиканцемъ и болтливымъ гасконцемъ съ натурой хамелеона шла долгая борьба: она порою проявлялась въ тайныхъ козняхъ, пока Бернадотъ былъ только подчиненнымъ, порою велась открыто, когда маршалъ сдѣлался монархомъ. Тогда какъ Наполеонъ со всѣмъ величіемъ окружавшей его обстановки рухнулъ, подобно дому, наскоро выгнанному въ высь, — Бернадотъ усидѣлъ на своемъ престолѣ и сумѣлъ передать его потомкамъ. Соперничество между Наполеономъ и Бернадотомъ началось, впрочемъ, еще тогда, когда оба выступили претендентами на сердце одной и той же дѣвушки, бывшей невѣстой одного, а вышедшей замужъ за другого.

Надо замѣтить, что современные маршалу историки его, по странной случайности, были всѣ южане; свѣдѣнія, необходимыя для характеристики Бернадота, они чаще всего получали у самого же маршала; поэтому, иное и вовсе осталось подъ спудомъ, иное получило характеръ автобіографіи. Такъ, одинъ изъ интересныхъ вопросовъ—какую религію исповѣдывалъ Бернадотъ? Избранный королемъ и встрѣченный въ Гельсингорѣ упсальскимъ архіепископомъ, маршалъ разсказалъ довѣрчивому первосвященнику самыя удивительныя вещи: оказалось, что еще въ Германіи онъ окружалъ себя протестантскими священниками и изъ бесѣдъ съ ними вынесъ твердое убѣжденіе въ превосходствѣ аугсбургскаго исповѣданія; что дѣтство, въ родномъ городкѣ Пау онъ провелъ среди кальвинистовъ, и даже въ семьѣ его, съ материнской стороны, можно было насчитать гугенотовъ. Позднѣе онъ утверждалъ, что родился протестантомъ. Принимая, однако, во вниманіе чрезвычайное суевѣріе Бернадота, его страсть ко всякимъ гадальщицамъ, особенно если онѣ предсказывали ему славу и богатство, и равнодушіе, которое онъ нерѣдко проявлялъ къ вопросамъ религіознымъ, надо думать, что все это были однѣ росказни, за которыми скрывалось совершенное безразличіе къ церкви. Церковь могла его интересовать только какъ опора въ его честолюбивыхъ замыслахъ. Въ самомъ дѣлѣ, гасконскій маршалъ считалъ шведскій престолъ лишь переходной ступенью къ престолу... родины, Франціи. Быть можетъ, его мечты и имѣли нѣкоторое основаніе въ поддержкѣ европейскихъ державъ, желавшихъ обратить Францію въ протестантское государство? И Генрихъ IV былъ гасконецъ; и для того короля Парижъ стоилъ обѣдни...

Бернадотъ не обладалъ талантами боевого генерала; онъ умѣлъ только воодушевлять своихъ солдатъ пламенными рѣчами,—природный даръ гасконца. Въ политикѣ, какъ и въ жизни, онъ мѣнялъ свои взгляды и убѣжденія, сообразно обстоятельствамъ: то якобинецъ, то либералъ онъ иногда бывалъ приверженцемъ военной диктатуры, иногда — защитникомъ конституціоннаго монархизма. Въ душѣ онъ оставался все тѣмъ же грубымъ капраломъ, что и во дни своей молодости. Скромность не принадлежала къ его добродѣтелямъ. По крайней мѣрѣ, онъ часто повторялъ: „Если Наполеонъ и первый человѣкъ нашего времени по военнымъ дарованіямъ, то я его превзошелъ въ распорядительности, наблюдательности и разсчетливости".—Исторія избранія Бернадота въ шведскіе короли весьма любопытна. Шведскій лейтенантъ Морнеръ пріѣхалъ въ Парижъ, въ качествѣ уполномоченнаго одной военно-патріотической группы, чтобы избрать среди маршаловъ Наполеона достойнаго сѣверной монархіи, гдѣ династія Гольштейнъ-Готторнъ доживала послѣдніе дни въ лицѣ престарѣлаго короля и гдѣ наслѣдникъ престола—принцъ Афустенбургъ скоропостижно скончался. Выборъ палъ на Бернадота, отчасти потому, что онъ, въ качествѣ правителя Ганновера и ганзейскихъ городовъ, имѣлъ сношенія со Швеціей и пріобрѣлъ тамъ симпатіи. Но пока въ Парижѣ велись переговоры, престолъ Швеціи и Норвегіи едва не достался брату покойнаго кронпринца. Только благодаря ловкости своего довѣреннаго Фурнье, сумѣвшаго одурачить всѣ сословія - кого угрозами, кого обѣщаніями, „caporal francais" сталъ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, на основаніи единогласнаго рѣшенія рикстага 21 августа 1810 г. Старый король, которому его преемникъ не пришелся особенно по душѣ, совершенно устранилъ себя отъ дѣлъ; въ засѣданіяхъ спалъ, и вмѣсто подписи его нерѣдко прикладывался штемпель. Бернадотъ сталъ неограниченнымъ повелителемъ сѣвернаго государства; онъ рѣзко измѣнилъ его внѣшнюю политику: примкнулъ къ Россіи и Англіи противъ Франціи.

Дезирэ Клари—та самая маленькая брюнетка, что плѣнила сердце великаго корсиканца и потомъ измѣнила ему ради гасконца, послѣдовала за мужемъ въ Стокгольмъ, не смогла освоиться съ суровымъ климатомъ и своеобразными обычаями Швеціи, и вскорѣ она воротилась въ Парижъ. Тамъ она пробыла цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, завязывая знакомства и собирая свѣдѣнія, полезныя для ея королевскаго дома. Словомъ, служила шведскому двору развѣдочнымъ бюро, и развлекалась въ этомъ скучномъ занятіи лишь сладкими мечтами о первомъ министрѣ того времени, герцогѣ Ришелье, который не зналъ, гдѣ искать спасенія отъ пламенныхъ чувствъ „маленькой толстушки".

Бернадотъ, какъ уже сказано, тоже мечталъ... о французской коронѣ, о монархіи, основанной на принципахъ m-me de Staël,—нѣчто вродѣ соединенія диктатуры съ конституціей въ духѣ 1789 года. Паденіе Наполеона и реставрація Бурбоновъ разсѣяли его сладкіе сны. На Бурбоновъ Бернадотъ перенесъ свою ненависть, которую онъ питалъ къ Бонапарту. Они отняли у него надежду на родной тронъ, они же смотрѣли на него и на его династію свысока.

Маршалъ никогда не сроднился со Швеціей. Онъ чувствовалъ себя чужимъ въ этой странѣ, и почва подъ ногами казалась ему всегда ненадежной. Онъ не изучилъ даже шведскаго языка. Судьба и собственное честолюбіе сдѣлали его королемъ сѣверной державы; но воспоминанія и надежды приковывали его къ Франціи.

Въ гаремѣ.

Приключеніе въ Каирѣ.

Одному англичанину удалось хитростью посѣтить египетскій гаремъ. Онъ переодѣлся женщиной и проникъ туда, куда запрещенъ, подъ страхомъ смерти, входъ всѣмъ лицамъ мужского пола.

Вотъ какъ описываетъ англичанинъ свое каирское приключеніе:

Въ Каирѣ одна знакомая мнѣ семья

поселилась во дворцѣ, когда-то принадлежавшемъ разорившемуся эксъ-хедиву. Этотъ дворецъ состоялъ изъ нѣсколькихъ большихъ, совершенно отдѣленныхъ другъ отъ друга зданій и находился какъ разъ въ центральной части прекраснаго города. Какъ-то въ шутку, во время разговора, моя любезная хозяйка сказала.

— А почему бы вамъ не посѣтить гарема одного моего хорошаго знакомаго?..

Сказано это было въ шутку, но я страстно привязался къ этой заманчивой мысли, мое любопытство страшно разгорѣлось, и мнѣ хотѣлось, во что бы то ни стало, посмотрѣть гаремъ. Вѣдь только посмотрѣть, — успокаивалъ я себя, — какое же тутъ можетъ быть преступленіе... Мало-ли что запрещаютъ сами себя пережившіе предразсудки и традиціи. Мои знакомые прислушались къ моему безумному желанію и рѣшили удовлетворить меня, что называется, — вполнѣ. Къ чему терять дорогое время, тотчасъ же послали за парикмахеромъ, какимъ-то туркой, очень изворотливымъ, на всѣ руки, малымъ. Онъ мнѣ живо все оборудовалъ: начисто сбрилъ мнѣ бороду и снабдилъ женскимъ парикомъ. Оставалось только смастерить подходящій къ случаю туалетъ. Нашлось шелковое, по моему росту, платье, я нетерпѣливо „напялилъ" его на себя, на шею надѣлъ красивое брилліантовое ожерелье, и въ такомъ видѣ, еле дыша отъ волненія, словно невѣста на свиданіе къ жениху, полетѣлъ я сломя голову къ своимъ друзьямъ „на смотрины". Отъ ихъ суда, отъ ихъ рѣшенія зависѣла вся участь моего приключенія. Черный привратникъ возвѣстилъ о визитѣ „ситъ" (дамы), и меня ввели въ лучшую комнату дома, предназначенную исключительно для пріема лицъ прекраснаго пола.

Я ждалъ очень недолго. Вошла хозяйка (моя старая знакомая) и хотя родомъ туземка, любезно протянула мнѣ по европейскому обычаю руку. Затѣмъ, съ любопытствомъ смотря мнѣ въ глаза, спросила: чѣмъ можетъ служить?. Очевидно не узнаетъ меня, — радовался я, — какъ школьникъ. Хорошо сыгралъ роль... точно первостатейный актеръ... Но не въ силахъ больше играть, я расхохотался... ну, тутъ сразу и вышелъ изъ роли... смѣхъ мой прозвучалъ ужъ совершенно по-мужски!..

— Вы такъ удачно загримированы, вамъ такъ къ лицу это платье...—восторгалась моя знакомая,—что совершенно неудивительно, что я васъ не узнала. Мнѣ кажется, что ваша матушка, и та бы никогда не повѣрила, что вы... такая хорошенькая женщина, ея сынъ..

Однимъ словомъ, эффектъ получился полный.

Домъ, который мнѣ предстояло посѣтить, принадлежалъ баснословно богатому старому каирцу, любимцу и приближенному хедива. Дворецъ, въ которомъ онъ жилъ, находился въ лучшей улицѣ и ослѣплялъ своей вызывающей красотой. Пройдя монументальный „порталъ", мы очутились въ чудной, тѣнистой аллеи, съ которой такъ и повѣяло поэтическимъ, сладострастнымъ Востокомъ...

Ахъ, этотъ ласкающій воздухъ, этотъ опьяняющій, кружащій головы ароматъ... Эти величественныя, тѣнистыя... аристократичныя пальмы... Я былъ въ восторгѣ при первыхъ же шагахъ въ этой чудной аллеѣ, не успѣвъ еще войти во дворецъ.. что же дальше-то будетъ.. Передъ домомъ насъ ожидалъ важный на видъ, но подобострастно извивающійся передъ моей знакомою привратникъ, и повелъ насъ въ „вестибюль", въ которомъ встрѣтилъ насъ самъ хозяинъ. Онъ только что было собирался выѣхать, какъ увидѣлъ моего друга; сумрачное лицо его прояснилось и онъ привѣтствовалъ ее по восточному обычаю: отвѣсилъ ей очень глубокій, почтительный поклонъ и приложилъ руку къ головѣ, сердцу и устамъ. Въ этой чисто-восточной театральности, въ этой красивой пластикѣ движеній, лежитъ глубокій внутренній смыслъ, это характерное привѣтствіе означаетъ: я привѣтствую тебя не только устами моими, но и всей душой, всѣмъ сердцемъ! Я ему улыбнулся насколько могъ любезнѣе и очаровательнѣе, я не забывалъ своей роли. Онъ обмѣнялся съ моимъ другомъ нѣсколькими словами на арабскомъ языкѣ, и когда мы уже поднимались по лѣстницѣ, она, помирая со смѣху, передала мнѣ, что старый каирецъ обо мнѣ сказалъ: „прелестный маленькій жукъ!" Каково!...

Насъ провели безъ особеннаго этикета въ женскую половину, гдѣ и предоставили самимъ себѣ.

По стѣнамъ пріемной стояли большіе мягкіе диваны. Когда мы вошли, на нихъ возлежали въ граціозныхъ позахъ три женщины съ чрезвычайно смуглымъ, почти что бронзовымъ цвѣтомъ кожи. Онѣ были безъ вуалей, а въ Египтѣ большая рѣдкость увидѣть знатную женщину безъ головного убора, и всѣ три показались мнѣ очень красивыми. Огромные, темные, какъ ночь, и блестящіе, какъ брилліанты, глаза, освѣщали все лицо, такихъ глазъ не увидишь на нашихъ европейскихъ балахъ и вечерахъ. Двое изъ нихъ очень эффектно, съ элегантностью любого европейскаго „пшюта", тянули голубоватый, ароматный дымъ изъ „наргилье", длинныхъ турецкихъ трубокъ, въ которыхъ табачный дымъ долженъ проходить сначала черезъ воду. Вся эта своеобразная обстановка, точно изъ „Тысяча и одна ночь", очень на меня подѣйствовала, меня поразилъ и блескъ этихъ рѣдкостныхъ черныхъ, страстныхъ, подернутыхъ задумчивой, нѣжной дымкой глазъ и переливчатая игра брилліантовъ, которыми эти женщины были увѣшены, а фономъ всему этому блеску служило облако мечтательнаго, синеватаго, благоухающаго дыма, который начиналъ одурманивать и мою грѣшную голову. Я чувствовалъ себя какъ-то неловко, точно преступникъ, сознавшій вдругъ свою вину. Я сосредоточенно молчалъ, да и въ сущности никто не требовалъ, чтобы я говорилъ, никому не показалось это страннымъ. И мнѣ тогда подумалось, у меня блеснула невольная и совершенно вѣрная мысль, что одари бы Богъ этихъ чудесныхъ восточныхъ красавицъ хоть искоркой разума, хоть самой малой долею смышленности, онѣ бы сразу, и именно по моему неловкому, сосредоточенному молчанію, поняли бы, уразумѣли, что имѣютъ дѣло съ пораженнымъ ихъ красотой, слабымъ и грѣшнымъ мужчиной. Но восточныя красавицы не думаютъ, не гадаютъ, да и пожалуй и не чувствуютъ, онѣ живутъ настоящей растительной жизнью и повидимому не тяготятся ею. Я пытливо слѣдилъ за всѣми движеніями, привѣтственными жестами моей спутницы и добросовѣстнѣйшимъ образомъ подражалъ ей, разыгрывалъ роль ея вѣрной тѣни. Каирскія женщины, часто сообщаясь съ англичанками, давно привыкли къ европейскимъ общественнымъ обычаямъ и мало-по-малу привили ихъ у себя. Расцѣловавшись съ моей спутницей, онѣ поцѣловали и меня, но Боже! чего-чего не перечувствовалъ я въ ту критическую минуту, какъ боялся я быть тутъ же на мѣстѣ уличеннымъ въ преступномъ обманѣ, что хотя и сбритая на моемъ лицѣ растительность выдастъ меня. Но все прошло хорошо, и я успокоился.

Двѣ абиссинки-рабыни внесли на подносахъ „наргилей" и кофе. Я ужъ давнымъ-давно мечталъ о настоящей турецкой трубкѣ, но я боялся выдать своего волненія и очень медленно, осторожно сунулъ коралловую трубку въ ротъ. Поданныя намъ трубки спеціально изготовляются для гаремныхъ дамъ и набиваются самымъ дорогимъ, пахучимъ табакомъ. Признаться, вдохнувъ чудный дымъ, я почувствовалъ неописанное удовольствіе и, втягивая въ себя все больше и больше дыму, выпускалъ его густымъ облакомъ, словомъ забылся. И курилъ ужъ совсѣмъ не по-дамски. Я почувствовалъ на себѣ огонь удивленныхъ глазъ и сразу же опомнился, оправился, моя спутница безпокойно за мною слѣдила и дѣлала мнѣ незамѣтные знаки: такъ нельзя, молъ, будьте осторожнѣе.

А между тѣмъ наши хозяйки щебетали и смѣялись такъ весело, словно самыя беззаботныя, счастливыя на свѣтѣ созданія. Говорили онѣ на совершенно незнакомомъ мнѣ языкѣ, и я сидѣлъ, какъ дуракъ, ровно ничего не понимая, и очень досадуя на свое глупое положеніе. Смѣются, разговариваютъ, обмѣниваются можетъ быть мѣткими остротами, а ты тутъ сиди да хлопай глазами...

Мы ужъ собирались было откланяться, какъ вдругъ послышались тяжелые шаги за завѣшенной дорогими матеріями дверью. Кто-то грузно поднимался по лѣстницѣ, и ужъ никто другой, какъ самъ старый хозяинъ и властелинъ этихъ красивыхъ женщинъ. Мнѣ опять сдѣлалось непріятно и жутко, и я молилъ Всевышняго, скорѣе бы выбраться цѣлымъ и невредимымъ изъ этого самаго гарема, куда я давеча такъ страстно стремился. Мой другъ видно прочла эти мысли на моемъ лицѣ и мигнула мнѣ: успокойтесь, ничего, все обойдется отличнѣйшимъ образомъ, и ея самоувѣренность какъ-то невольно отразилась и на мнѣ. Но все же я съ возростающимъ безпокойствомъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ, слѣдилъ за выразительной мимикой стараго каирца. Не особенно-то мягкій, податливый долженъ быть у старика характеръ, думалось мнѣ. Онъ казался чѣмъ-то очень возбужденнымъ, выведеннымъ изъ себя. Что-то необыкновенное случилось, въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Не обращая на насъ (женщинъ) ровно никакого вниманія, онъ продолжалъ начатый разговоръ съ невидимымъ для насъ собесѣдникомъ, находившимся, какъ должно было предполагать, по ту сторону глухо завѣшанной двери. Старикъ-хозяинъ говорилъ такъ громко, такъ строго, морщинистое лицо его приняло такое свирѣпое выраженіе, что мы всѣ застыли на нашихъ мѣстахъ и перепугались до смерти. Что такое случилось, Боже ты мой! Вотъ угораздило меня сунуться въ гаремъ... очень надо было. Какъ все это кончится?..

На его громкую свирѣпую рѣчь отвѣтомъ былъ пронзительный, отчаянный, изъ-за завѣшенной двери, крикъ. Отъ этого крика намъ стало холодно, страшно, и мы поторопились проститься и уйти по-добру-по-здорову.

— Я вамъ ужъ говорила, что у него четыре жены, но вы видѣли только троихъ. Четвертая у него за что-то въ немилости, и этотъ ужасный, пронизывающій душу крикъ, помните? это она, бѣдняжка, такъ отчаянно крикнула въ отвѣтъ на его жестокія, безжалостныя слова. Онъ, понимаете ли, объявилъ ей только что, что онъ въ третій разъ съ нею разойдется!

— То-есть, что это значитъ?—удивился я.

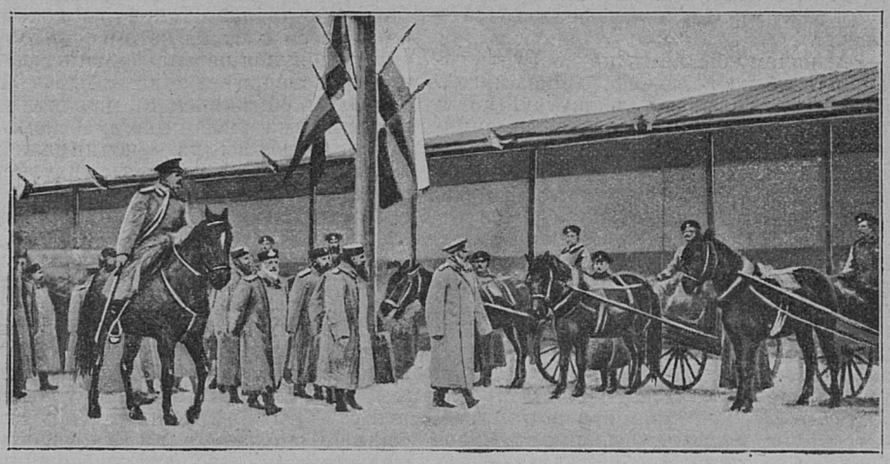
— Нашъ брачный законъ до неимовѣрности суровъ и жестокъ. Мужъ имѣетъ право два раза разойтись и снова сойтись со своей женой, или своими женами, если у него ихъ нѣсколько. Для этого требуются лишь очень небольшія формальности. Но если онъ въ третій разъ разошелся, тогда кончено дѣло, и навсегда примиренія, возврата ужъ не можетъ быть. Для несчастной, обруганной

Металлическая кружка, подарокъ гор. С.-Петербурга возвратившимся войскамъ.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

женщины это ужъ настоящая нравственная смерть. Одно спасеніе ей выйти за другого замужъ, только тогда, если она разойдется со вторымъ мужемъ, она будетъ имѣть право снова сойтись съ первымъ.

Еще долго потомъ я чувствовалъ себя нравственно подавленнымъ, меня охватила и крѣпко держала не то грусть, не то тоска. Отозвалось-ли волненіе пережитыхъ въ гаремѣ минутъ, или... или же такъ потрясъ меня, пронзилъ мою похолодѣвшую отъ ужаса душу, этотъ страшный крикъ, жалобный протестъ несчастной жертвы вѣковыхъ предразсудковъ и людскихъ заблужденій?



Его Императорское Высочество Августѣйшій фельдцейхмейстеръ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ обходитъ фронтъ скорострѣльной батареи.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Молебствіе 15 ноября на площадкѣ предъ казармами.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Обозъ батареи близъ станціи Николаевской дороги въ С.-Петербургѣ.

Встрѣча второй скорострѣльной батареи гвардейскаго стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона 15 ноября.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

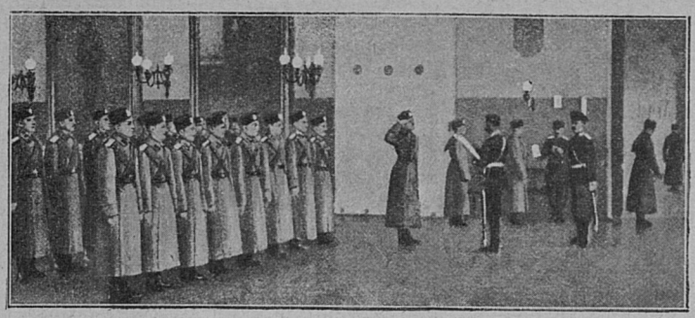
Возвращеніе русскихъ войскъ изъ Китая.

Китайскій Гиппократъ.

Выдающимся представителемъ китайской медицины является кантонскій врачъ Атчинъ, или полностью—Онгатчиностай. Ему приписываютъ не только обширныя знанія въ наукѣ Гиппократа, но и введеніе новыхъ методовъ леченія. Значеніе этого ученаго медика въ Китаѣ столь велико, что одинъ французскій докторъ счелъ своимъ долгомъ познакомиться съ Атчиномъ и его системой врачеванія. Атчину теперь 50—60 лѣтъ. Небольшого роста, онъ полонъ достоинства во всѣхъ движеніяхъ. По заслугамъ ему данъ чинъ мандарина второго класса, о чемъ свидѣтельствуетъ медаль съ птичьей головой и синяя пуговица на шляпѣ. Его отецъ и дѣдъ были также врачами; Атчинъ очень

Металлическая кружка, подарокъ гор. С.-Петербурга возвратившимся войскамъ.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".



Въ сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ. — Утренняя перекличка.
Съ фотографіи, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

высокаго мнѣнія объ учености дѣда, изобрѣвшаго множество лекарственныхъ средствъ. Атчинъ имѣетъ обширную практику, приносящую ему не менѣе 25—30 тысячъ рублей въ годъ. Одѣвается онъ просто, но педантически чистоплотенъ. Вначалѣ нѣсколько сдержанный, онъ, при ближайшемъ знакомствѣ, проявляетъ общительную любезность. Но въ извѣстныхъ вопросахъ его сдержанность не нарушима: когда дѣло касается тайнъ его ремесла, завѣщанныхъ ему предками. Это—родовое достояніе, которое перейдетъ отъ Атчина къ его сыну, и т. д. Въ китайскомъ эскулапѣ уживается самое наивное невѣжество въ отношеніи медицины рядомъ съ очень обширными познаніями. Такъ, напримѣръ, акупунктура, или хирургическое леченіе иглой, ему знакомо до тонкости; Атчинъ утверждаетъ, что при умѣньи, нѣтъ такой части тѣла, въ которую нельзя бы было ввести иглу безъ всякой опасности для жизни паціента. Болѣе опасные или смертельные уколы ему извѣстны, но причинъ, вызывающихъ тѣ или иныя болѣзненныя осложненія, онъ не знаетъ. Знакомый съ отличіемъ венъ отъ артерій, онъ не представляетъ себѣ ихъ соотношенія и назначенія въ организмѣ. Въ ученіи о костяхъ онъ мало освѣдомленъ, хотя искусно пользуетъ переломы и вывихи.

Въ сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ. — Игра въ шахматы.
Съ фотографіи, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Въ сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ Омскѣ. — Кухня.
Съ фотографіи, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Общая санитарія и гигіена нисколько не интересуютъ Атчина. Въ этомъ отношеніи онъ такъ равнодушенъ, что вокругъ его дома сосредоточены нечистоты, дающія о себѣ знать чуть-ли не за пятьдесятъ саженъ. Никогда этотъ вліятельный въ своемъ отечествѣ сынъ Срединной имперіи не постарался убѣдить согражданъ въ необходимости канализаціи, хотя бы самой примитивной. Европейская медицина его интересуетъ, но нашу терапію и хирургію со всѣми ея теоріями онъ ставитъ ни во что. Съ большимъ уваженіемъ относится Атчинъ къ бактеріологіи Запада; онъ и самъ производитъ иныя болѣзни отъ бациллъ; но считаетъ ихъ не подчиненными элементами, улавливаемыми только микроскопомъ, а самостоятельными — кроящимися въ яйцахъ змѣй и червей. Спеціальностью Атчина являются внутреннія болѣзни—ревматизмъ, нервныя боли, поносы, кишечная лихорадка, и внѣшнія—сыпи, опухоли и т. п. Леченіе нерѣдко ограничивается одной діэтой и согрѣвающими напитками — бульономъ, чаемъ. Къ нимъ присоединяется въ болѣе тяжелыхъ случаяхъ настойка изъ корней „гинзель" — средство, дѣйствительно, очень вѣрное, и даже принятое было въ Европѣ, но не привившееся вслѣдствіе чрезвычайной дороговизны. Великій китайскій врачъ прописываетъ часто слабительныя, настой на бузинѣ, на толченомъ миндалѣ, мятѣ, иногда медъ, кровяной сокъ и вино. Прокаженныхъ Атчинъ лечитъ мазью изъ смолы, масла и мяты, подправленныхъ сырыми яйцами и лауданіемъ. Леченіе иной разъ продолжительно: при простыхъ лишаяхъ оно длится отъ семи до четырнадцати дней. Наиболѣе тяжелое леченіе — для паціента и врача—примѣняется противъ желудочныхъ спазмовъ, вообще — разстройствъ пищеваренія. Больной, лежа на сырой землѣ, подвергается массажу: Атчинъ массажируетъ ему обѣими руками тѣло, начиная отъ грудной кости до бедръ и кругомъ—отъ пупа до позвоночника. Массажистъ дѣйствуетъ большимъ и указательнымъ пальцами, или тыльной частью указательнаго-средняго, притомъ съ такой силой, что кожа больного скоро становится ярко-краснаго цвѣта, а постороннему наблюдателю кажется, будто врачъ разыгрываетъ на роялѣ труднѣйшій этюдъ. Въ теченіе десяти минутъ Атчинъ успѣваетъ продѣлать до трехсотъ—четырехсотъ пріемовъ массажа. На слѣдующій послѣ сеанса день у иного паціента видны синяки по всему тѣлу. Но, несмотря на столь неблагопріятные по внѣшности симптомы, массажъ Атчина даетъ прекрасные результаты, и больной чувствуетъ вскорѣ облегченіе. Въ иныхъ случаяхъ кишечныхъ заболѣваній Атчинъ прописываетъ пріемъ жженой бумаги,—толстой желтой бумаги, пепелъ

Въ сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ. Объясненіе устройства ружей.
Съ фотографіи, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей"

которой, несомнѣнно, содержитъ въ себѣ минеральныя соли. Чтобы усилить дѣйствіе этого препарата, на бумагѣ дѣлаются магическія надписи цвѣтнымъ карандашемъ; въ его краскѣ есть оксидированная ртуть, оксидированное желѣзо, магнезія и бѣлая углекислая известь. Больной глотаетъ пепелъ и нѣсколько кусочковъ карандаша, запивая пріемъ теплой водой. Но, ограничиваясь иногда слабодѣйствующими средствами, Атчинъ уповаетъ на выносливую природу китайца и не ошибается.

Языкъ Марс

Хотя Марсъ и отстоитъ отъ земли на разстояніи 57—396 милліоновъ километровъ, но разстояніе это не кажется слишкомъ великимъ—если не для ученнаго ума, то, по крайней мѣрѣ, для фантазіи, старающейся дополнить наши свѣдѣнія объ этой планетѣ. Мы знаемъ, что Марсъ вращается вокругъ солнца въ 687 дней; слѣдовательно, его жители не такъ быстро старѣются, какъ мы. Мы знаемъ и о томъ, что планета окутана атмосфе-

Въ сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ. Обученіе ручному труду.
Съ фотографіи, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

рой облаковъ, подвержена выпаденію снѣга, имѣетъ моря, острова, материкъ, рѣки и горы. Все такъ. Но ни спектральный анализъ, ни телескопы, ни фотографія и безпроволочный телеграфъ не въ силахъ намъ объяснить—на какомъ языкѣ выражаютъ свои мысли и чувства жители Марса? Вопросъ этотъ пытаются разрѣшить спириты при посредствѣ транса. Конечно, дюжиннымъ людямъ такое средство недоступно, но есть избранные—ихъ устами вѣщаетъ истина. Въ 1900 г. профессоръ женевскаго университета, по кафедрѣ психологіи, издалъ свой трудъ подъ названіемъ „Отъ Индіи до планеты Марсъ. Этюдъ о сонамбулизмѣ". Именно въ Женевѣ живетъ Елена Смитъ (псевдонимъ), дѣвушка тридцати лѣтъ, изъ купеческой семьи, образованная, развитая, убѣжденная спиритка и очень извѣстный медіумъ. Заподозрить ее въ симуляціи нѣтъ никакого основанія. Въ своихъ видѣніяхъ она обнаруживаетъ удивительную проникновенность наряду съ дѣтской, наивной ограниченностью. Двѣ сферы составляютъ преимущественный объектъ ея гипнотическаго мышленія—жизнь Индіи и орбита Марса. Индійскія видѣнія начались въ 1894 г. Медіумъ воображала себя арабской княжной, вышедшей замужъ за индійскаго принца; она говорила языкомъ, въ которомъ звучали корни санскритскихъ нарѣчій, искаженные и непонятные въ ея устахъ, разъ эта ясновидящая не имѣла передъ собой санскритской грамматики. Марсомъ Елена Смитъ стала интересоваться въ ноябрѣ 1892 г. и не утратила связи съ планетой до іюня 1899 г. Ей казалось, что она живетъ на Марсѣ, видитъ его природу и ведетъ бесѣды съ туземцами. То, что медіумъ слышитъ тамъ, она повторяетъ потомъ или записываетъ, переводя марсовую рѣчь на обыкновенную, не всегда, впрочемъ, непосредственно послѣ встрѣчъ съ жителями планеты. Иные тексты представляютъ непонятную тарабарщину. Чтобы воспринять смыслъ загадочныхъ рѣчей, необходима помощь особаго духа — Эзеналь. Съ теченіемъ времени, при посредствѣ Елены Смитъ, спириты скопили до 40 фразъ, по 1—5 строкъ каждая, а всего до 300 словъ. Разбору этого нарѣчія, съ точки зрѣнія научнаго языкознанія, посвящена книга проф. Анри (Сорбонна) подъ названіемъ: „Языкъ Марса". Въ остроумномъ и логичномъ анализѣ неземного языка, Анри отмѣчаетъ то обстоятельство, что синтаксисъ его наиболѣе приближается къ французскому: изъ 248 словъ—110 французскаго происхожденія, 25—германскаго, 55 — венгерскаго, пять — восточнаго, три—англо-саксонскаго. Изъ различныхъ языковъ составлено 29 словъ. Елена Смитъ провела три года въ Германіи: тамъ она училась, отъ 12—15 лѣтъ. Съ англійскимъ языкомъ она ознакомилась, вѣроятно, въ Женевѣ; отецъ ея былъ родомъ изъ Венгріи. Хотя венгерскія слова наименѣе искажены въ марсовомъ языкѣ, но Елена Смитъ, въ нормальномъ состояніи, отзывается совершеннымъ незнаніемъ венгерской рѣчи. Языкъ Марса не первоначальный; онъ не беретъ истокомъ что-либо основное изъ человѣческаго естества; онъ — ручеекъ, вытекающій изъ существующихъ уже ключей, поэтому, весьма любопытно прослѣдить соотношеніе между безсознательнымъ „я" Елены Смитъ и работой ея ума. Анри не беретъ на себя рѣшеніе этого вопроса цѣликомъ; но на нѣколькихъ примѣрахъ онъ указываетъ къ тому приблизительный путь. По словамъ Елены Смитъ, Эзеналь былъ однажды, на землѣ, подъ именемъ Алексиса. Въ 1894 году онъ уже на Марсѣ, а двумя годами позже его зовутъ Эзеналь. За этотъ промежутокъ могли произойти различныя умственныя метаморфозы. Что общаго между Alexis и Esenal? Если отдѣлить Esen отъ одного и xis (или въ французскомъ произношеніи—хі) отъ другого и принять во вниманіе, что послѣднее звучитъ такъ же, какъ венгерское csacsi—оселъ—Esel, то, путемъ подстановки, получимъ—Esel-ale, а въ силу диссимиляціи — Esenale. По венгерски ezen allaf—значитъ „это животное". Пусть отецъ Елены сказалъ бы ребенку на родномъ языкѣ: „это животное—оселъ"; и источникъ слова „Эзеналь" становится понятенъ. Другія два имени—Астанэ и Раміэ—носители тѣхъ же функцій, что и Эзеналь; иныя воплощенія той же мысли. Интересно то, что одно изъ нихъ заключаетъ въ себѣ корень нѣмецкаго слова Ast (вѣтвь), другое французскаго однозначущаго—rameaur, окончанія нѣсколько различны. Въ языкѣ Марса преобладаетъ созвучіе, граничащее съ риѳмой, подстановка звуковъ—до анаграммъ, употребленіе того или иного слова, вмѣсто противозначащаго ему и т. д. Вотъ то, что можно сказать пока о новомъ нарѣчіи, въ смыслѣ его внѣшняго построенія; содержаніе отдѣльныхъ текстовъ не слишкомъ облегчитъ намъ загадку. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ. „Отдаленный міръ, очень близкій къ нашему. Грубый языкъ, странный, какъ и живыя существа. Мой могущественный покровитель Астанэ — онъ одинъ способенъ понять его". „Нельзя изобразить въ письменахъ ихъ языка; у нихъ нѣтъ знаковъ, слагающихъ слова. Они знаютъ совершенно особенные знаки, а въ случаѣ крайней надобности выражаютъ свои мысли. Я научу тебя инымъ изъ этихъ знаковъ, чтобы угодить твоей волѣ и не удерживать тебя въ этомъ мірѣ. Будь счастливъ."

Отчего скучаютъ женщины?

Сотрудница „Космополитэнъ" Элла Вилькоръ, популярная въ Европѣ феминистка, получаетъ ежедневно сотни писемъ, содержаніе которыхъ сводится все къ одному и тому же: „намъ скучно, смертельно скучно! Помогите!" Чтобы отвѣтить на этотъ своеобразный вопль, надо быть глубокимъ знатокомъ женской природы. Элла Вилькоръ рекомендуетъ своимъ корреспонденткамъ—трудъ. По ея мнѣнію, самыя счастливыя женщины тѣ, что неустанно работаютъ. Конечно, въ этомъ случаѣ имѣются въ виду не тѣ злосчастныя рабочія машины, что изодня въ день убиваютъ свои силы изъ-за куска черстваго хлѣба. Вилькоръ говоритъ о женщинахъ свободныхъ профессій, отдающихся своему призванію всецѣло и не имѣющихъ свободнаго часа. Судя по перепискѣ названной выше журналистки, скука чаще всего ютится тамъ, гдѣ роскошь, здоровье и семейное благополучіе не оставляютъ желать ничего лучшаго. Молодая, красивая, богатая и любимая мужемъ женщина пишетъ, напримѣръ, такія строки: „Я прозѣваю день-ото дня, и только тогда, когда ложусь спать, чувствую себя удовлетворенной. Укажите мнѣ развлеченіе или цѣль—словомъ средство, способное заполнить мою жизнь"... „Живу въ роскошной квартирѣ,—пишетъ другая.—замужемъ за хорошимъ человѣкомъ: дѣти красивыя... но, въ концѣ концовъ, супруги надоѣдаютъ другъ другу, когда они неразлучны. Мнѣ нужны перемѣна, развлеченіе. Единственное утѣшеніе для меня — въ непрестанныхъ путешествіяхъ—въ новыхъ лицахъ, нравахъ, видахъ".

Но и путешествія пріятны людямъ, съ душевнымъ равновѣсіемъ; тѣмъ, у кого оно нарушено, отъ разъѣздовъ станетъ еще тяжелѣе: къ внутренней тревогѣ присоединится и внѣшняя. Если достоенъ сожалѣнія мужъ женщины, склонной проводить десять мѣсяцевъ въ году въ вагонѣ и каретѣ, то еще жалче тотъ, чья жена больна страстью къ богатымъ туалетамъ. Роскошныя платья, роскошная дача, замокъ съ историческимъ прошлымъ—все это становится потребностью, которую злополучный супругъ долженъ удовлетворить, пускаясь на самыя рискованныя аферы. Пусть суетное честолюбіе жены удовлетворено; она и послѣ этого не найдетъ покоя. Такъ, одна изъ томящихся отъ скуки бѣдняжекъ пишетъ: „Я вѣрна мужу; но наша взаимная любовь давно вошла въ привычку; я чувствую потребность въ сильныхъ ощущеніяхъ; ихъ мнѣ даетъ льстивое вниманіе окружающихъ меня мужчинъ. Вотъ это единственно разнообразитъ монотонную, будничную жизнь".—Нѣкто (холостякъ) сказалъ по этому поводу: „Женщина, не имѣющая дѣла, но имѣющая довѣрчиваго мужа, — дичь, которая чаще всего попадаетъ въ сѣти профессіональныхъ донъ-жуановъ".

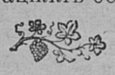
Хотя сотрудница „Космополитэнъ" видитъ всеспасительное средство въ трудѣ, но едва-ли оно всегда примѣнимо. Не надо забыть о традиціяхъ, укоренившихся въ богатой средѣ. Быть можетъ, болѣе дѣйствительный рецептъ—сдѣлать себя полезной окружающимъ — мужу, семьѣ, роднымъ и имъ отдать все свое время?..

БАЦИЛЛЫ ОСПЫ.

Молодому берлинскому ученому д-ру Василевскому (не нашъ-ли соотечественникъ?) удалось успѣшно разрѣшить очень интересную и важную задачу: если онъ и не открылъ самыхъ бациллъ оспы, то, во всякомъ случаѣ, установилъ, что именно бациллы являются источникомъ этой болѣзни. Надо замѣтить, что надъ изслѣдованіемъ оспенныхъ зараженій медицина работала съ давнихъ поръ; и опыты начались гораздо раньше, нежели съ другими инфекціонными заболѣваніями; но до сихъ поръ къ положительнымъ результатамъ не привели. По иниціативѣ Пастера и Коха бактеріологическія изысканія были особенно настойчивы за послѣднія десятилѣтія; извѣстно, къ какимъ благодѣтельнымъ открытіямъ они привели; однако оспенныя бациллы не давались микроскопу. Неоднократно дѣлались предположенія, что бактеріи, находящіяся въ лимфѣ, и являются первоисточникомъ оспы; но это опровергалось тѣмъ, что лимфа, совершенно свободная отъ бактерій, производила то же дѣйствіе, что и съ бактеріями. Съ другой стороны, было несомнѣнно и то, что этотъ первоисточникъ—въ жизнеспособныхъ возбудителяхъ, имѣющихъ извѣстную измѣримую величину и животную организацію, ибо лимфа, пропущенная сквозь густой фильтръ необожженнаго фарфора, лишалась своихъ обычныхъ качествъ. Въ 1892 г. Гарніери впервые указалъ на присутствіе микроскопическихъ тѣлъ въ порахъ кожи и слизистой оболочкѣ оспенныхъ больныхъ. Для того, чтобы получить болѣе рельефную реакцію, ученый вспрыснулъ лимфу въ роговую оболочку кролика; появились типичныя опухоли, а въ нихъ тѣ же тѣльца, которыя Гарніери считалъ искомымъ первоисточникомъ оспы. Эта теорія въ свое время возбудила много споровъ; большинство держалось того мнѣнія, что это не бациллы оспы, а продукты клѣточекъ, зараженныхъ ядомъ.

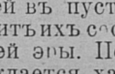
Василевскій провѣрилъ всѣ доводы того и другого лагеря, и послѣ восьмилѣтней упорной работы, пришелъ къ заключенію, что Гарніери былъ правъ. Тѣльца Гарніери были имъ послѣдовательно пересажены въ сорокъ шесть культуръ, съ одной роговой оболочки на другую; когда бы, дѣйствительно, въ нихъ не было живого яда, то результаты бы получились иные, такъ какъ разжиженіе,

въ концѣ концовъ, достигло крайней степени. Между тѣмъ, ядъ, позаимствованный изъ послѣдней культуры, обладалъ всѣми тѣми же качествами, что и въ первой. Слѣдовательно, лимфа, пройдя черезъ сорокъ шесть роговыхъ оболочекъ, сохранила врожденную свою силу и не утратила гарніеровскихъ тѣлецъ, и слѣдовательно, эти-то тѣльца и должны быть первоначальными возбудителями оспы.—Нѣтъ сомнѣнія, что опыты Василевскаго только основная ступень въ цѣлой лѣстницѣ дальнѣйшихъ изысканій и изученія бациллъ оспы.



ТУРКЕСТАНСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

До послѣдняго времени въ Кашгарѣ была очень развита торговля древними манускриптами. Они сбывались путешественникамъ, среди которыхъ было не мало нашихъ соотечественниковъ, иногда за большія деньги. На ряду съ подлинными древностями продавались не мало, однако, и поддѣльныхъ, и въ городѣ Котанѣ завелась даже спеціальная фабрикація ихъ. Книги печатались особыми штемпелями изъ грушеваго дерева, а иныя буквы заимствовались изъ дѣйствительныхъ памятниковъ древности. Отпечатанные листы вѣшали въ дымовую трубу, чтобы придать имъ соотвѣтственный видъ. Потомъ листы скрѣплялись мѣдными иголками и въ книги вкладывали мѣдныя пластинки. Когда и эта работа была окончена, „мастера" пересыпали свое произведеніе мокрымъ пескомъ, а мѣдь подвергали дѣйствію кислотъ, чтобы вызвать образованіе плѣсени; въ концѣ концовъ, книги погребались въ извѣстныхъ мѣстахъ пустыни, и оттуда уже извлекались, въ видѣ находки, къ искреннему удивленію и восторгу европейцевъ. Фальсификація приняла такіе размѣры, что года два-три назадъ нельзя было купить настоящей рукописи: владѣльцы, изъ страха прослыть поддѣлывателями, не выпускали своего товара на рынокъ. Исламъ-Акунъ - такъ зовутъ главаря своеобразнаго цеха; ему удалось обмануть множество иностранцевъ, въ томъ числѣ и людей опытныхъ въ этомъ дѣлѣ. Свенъ-Гединъ нашелъ въ 1895 г. много рукописей въ пустынѣ Такла-Маканъ. Онъ относитъ ихъ составленіе къ пятому вѣку нашей эры. Подлинность находки подтверждается характеромъ мѣстоположенія ея въ пустынѣ. Такая же находка попалась шведскому путешественнику и во время его нынѣшняго странствія по Азіи, но точная оцѣнка рукописей и ихъ древности еще не сдѣлана



НЕОПЛАТНЫЙ ДОЛГЪ БРИТАНСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Король англійскій Эдуардъ III велъ борьбу съ шотландцами и исчерпалъ на нее всѣ средства королевской казны; въ то же время отношенія Англіи къ Франціи стали непріязненными, и началась война, на которую понадобилось много денегъ. Пришлось прибѣгнуть къ займу у флорентинскаго банкира Перучи, который ссудилъ Эдуарда двадцатью четырьмя милліонами рублей. Ни битва при Крессѣ, ни сраженіе при Пуатье не повели къ обогащенію англійскихъ финансовъ, и долгъ не былъ выплаченъ, несмотря на неоднократныя требованія банкира. Вскорѣ послѣ этого сицилійскій король, слѣдуя примѣру своего державнаго современника, также не возвратилъ крупной суммы, занятой у Перучи. Банкиръ оказался въ затруднительномъ положеніи, которое стало критическимъ, когда Флоренцію навѣстила чума. Перучи не выдержалъ кризиса и оказался несостоятельнымъ; его банкъ распался. Потомки злополучнаго кредитора Британіи не забыли, конечно, о причитающемся имъ долгѣ, и каждое десятилѣтіе возобновляютъ свои требованія. На основной долгъ нарослы съ 1340 года, проценты и проценты на проценты; если бы слѣдовать простому математическому разсчету, то Перучи причиталось бы столько денегъ, сколько не содержатъ казны всѣхъ современныхъ государствъ, вмѣстѣ взятыя. Но кредиторы англійскаго правительства, представляя нынѣ неоспоримыя доказательства своихъ правъ, отказываются и отъ процентовъ, и отъ части капитала, требуютъ лишь половину первоначальнаго долга. Едва-ли имъ удастся осуществить свои права, такъ какъ англійскій парламентъ упорно отмалчивается, и, повидимому, вовсе не склоненъ расплачиваться за неразсчетливость Эдуарда III.

СИЛА МОЛИТВЫ.

Мы уже познакомили читателей съ нарожденіемъ въ Америкѣ новой секты, распространяющей вѣру въ свои молитвы, коими вершатся чудеса. Повидимому, успѣхъ этого новаго вѣроученія находитъ себѣ объясненіе въ фанатизмѣ, который свойственъ извѣстной части американскаго населенія. Въ одной изъ чикагскихъ газетъ мы прочли, напримѣръ, такое характерное сообщеніе о пожарѣ. „Несмотря на то, что жизни г-жи Кемингъ и ея пяти дѣтей угрожала очевидная опасность, что пламя и дымъ изъ сосѣднихъ построекъ проникали въ ихъ квартиру, названныя лица, приверженцы „Christian Science", отказались выйти на дворъ; они пали на колѣна и пѣли молитвы... На другой сторонѣ улицы собралась толпа: въ ней иные сочувствовали поступку матери и дѣтей, другіе справедливо называли ихъ безумными. Только силой удалось извлечь семью Кемингъ изъ загоравшагося уже дома".

Насколько прибыльно занятіе главарей секты, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Джонъ Александръ Дови, старшина фанатиковъ, заказалъ на этихъ дняхъ столъ въ 1200 долларовъ, т. е. около 2½ тысячъ рублей,—самый дорогой столъ, который до сихъ поръ былъ приготовленъ въ какой-либо мастерской. Одна изъ жительницъ Цюриха, обращенная въ лоно новаго ученія, пожертвовала братству замокъ на Боденскомъ озерѣ, стоимостью полмилліона франковъ. Въ этомъ замкѣ устроенъ нынѣ главный штабъ „Christian Science"—отсюда будутъ разсылаться миссіонеры для вербовки легковѣрныхъ.

ПРИНЦИПІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ.

Въ одномъ изъ берлинскихъ театровъ молодой артисткѣ Эльзѣ де Веръ была предложена роль, которую раньше исполняла другая артистка. Де-Веръ согласилась и стала репетировать. Но ко дню генеральной репетиціи она убѣдилась, что ей придется одѣть тотъ самый костюмъ, что разъ пятнадцать былъ уже ношенъ ея предшественницей. Эльза отказалась на-отрѣзъ. Дирекція тоже упорствовала, не желая тратиться на новый костюмъ, и наконецъ, постановила оштрафовать непокорную пятью стами марокъ. Де-Веръ, однако, и на это не пошла, и перенесла дѣло въ судъ. Ея мотивы очень просты и разумны. Во-первыхъ, она бѣдная дѣвушка, которая должна содержать на свой заработокъ мать и сестру, и штрафа платить не только не хочетъ, но и не можетъ. Во-вторыхъ, она честная дѣвушка, дорожащая своимъ здоровьемъ, и подвергать себя опасности зараженія не желаетъ.

Вопросъ, въ данномъ случаѣ, принципіальный, интересный для всѣхъ театровъ, такъ какъ почти повсюду въ обычаѣ перешивать одинъ и тотъ же костюмъ на нѣсколько исполнителей. Что подобнымъ путемъ можетъ быть передана прилипчивая болѣзнь — также внѣ сомнѣнія. Вотъ почему товарищи Эльзы де-Веръ дружно примкнули къ ея протесту. Рѣшеніе суда должно завершить любопытный споръ.

КОНАНЪ ДОЙЛЬ О БУРАХЪ.

Знаменитый англійскій писатель въ такихъ чертахъ рисуетъ безстрашныхъ защитниковъ Трансвааля. „Возьмите отрядъ нидерландцевъ того типа, который въ продолженіе полувѣка боролся съ самой могущественной изъ европейскихъ державъ—Испаніею. Прибавьте къ нему равное число французскихъ гугенотовъ, что послѣ отмѣны нантскаго эдикта покинули кровъ и землю свою и ушли изъ отечества. Смѣсь дастъ, повидимому, самыхъ твердыхъ, мужественныхъ и непобѣдимыхъ въ мірѣ воиновъ. Эти воины, въ семи поколѣніяхъ, неустанно сражались съ дикими людьми и животными, при условіяхъ, какія могъ выносить только желѣзный организмъ; надо къ этому присоединить высокое искусство въ верховой ѣздѣ и владѣніи оружіемъ. Еще не позабыть и характера самой страны, благопріятной для пѣхотинца, стрѣлка и кавалериста. Всѣ исчисленныя качества надо снабдить непоколебимой вѣрой въ спасительное Провидѣніе и пылкимъ патріотизмомъ. Если перелить этотъ сплавъ въ форму—въ человѣка, то получится буръ, самый страшный противникъ, какого когда-либо знавала Англія. Оглядываясь на исторію нашихъ войнъ съ Франціей, можно сказать, что даже Наполеонъ и его старая гвардія не были такъ опасны, какъ эти упрямые мужики, съ ихъ прадѣдовской религіозной теоріей и новѣйшимъ скорострѣльнымъ оружіемъ".

Массовое крещеніе дѣтей въ Берлинѣ.

(Къ рис. на стр. 345).

Лѣтъ 25 тому назадъ въ Берлинѣ было отмѣнено обязательное церковное крещеніе дѣтей и замѣнено записью въ метрическія книги. Въ ту пору высказывалось опасеніе, что значеніе религіознаго обряда тѣмъ самымъ умалится и берлинскіе жители будутъ довольствоваться одной лишь формальной стороной дѣла. Опасеніе это оказалось неосновательнымъ. Нашъ рисунокъ, съ моментальной фотографіи, снятой въ одной изъ берлинскихъ церквей, является убѣдительной тому иллюстраціей. По 50—60—70 младенцевъ принимаютъ св. крещеніе въ одно воскресенье. Впрочемъ, не одни только младенцы, но и 10—12 лѣтнія дѣти, которыя въ свое время не подверглись этому обряду. Быть можетъ, въ такихъ массовыхъ крещеніяхъ мало поэзіи, истинно-религіознаго настроенія, но зато они знаменуютъ тотъ важный фактъ, что свобода совѣсти никогда ущерба религіи не причиняетъ и что она воспитываетъ въ гражданахъ большую привязанность къ церкви, нежели самыя строгія понудительныя мѣры.

Флиртъ милліардерокъ.

Норвинъ, писатель, котораго мы цитировали на-дняхъ, продолжаетъ писать о своихъ наблюденіяхъ надъ нравами пре-

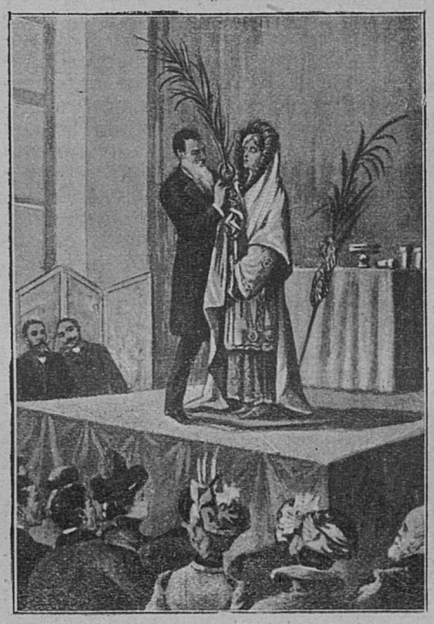
словутаго Пятаго проспекта и касается весьма щекотливаго вопроса: насколько юнымъ американскимъ миссъ свойственны добродѣтели Пенелопы — вѣрность и цѣломудріе. „Измѣнчивость“ — такимъ снисходительнымъ терминомъ опредѣляетъ Норвинъ преобладающее теченіе жизни милліардерокъ-невѣстъ. Почти какъ правило укоренилось то воззрѣніе, что между „предметомъ“ первой любви и мужемъ не можетъ быть ничего общаго. Другими словами, молодыя американки влюбляются быстро, обмѣниваются словомъ и... также быстро забываютъ свою любовь, когда прихоть, а чаще разсчетъ, сведетъ ихъ съ болѣе интереснымъ женихомъ. „Iilting“ — слово, обозначающее, въ дѣйствительности, дѣвушку, брошенную любимымъ человѣкомъ или даже сильнѣе—соблазненную и обманутую, — это слово въ большомъ ходу и ни въ комъ не вызываетъ недоумѣнія. Въ нью-іоркскомъ обществѣ принято говорить о послѣднемъ „Iilting“, внучкѣ мистера Астора, миссъ Мей-ванъ-Аленъ, или Эсфири Барриморъ, обманувшей пылкія надежды бѣднаго Морье, сына автора „Трильби“. Былъ и такой случай, когда хорошенькая миссъ Смитъ обручилась съ принцемъ К, представителемъ одной изъ отраслей царствующаго въ Европѣ дома, совершила съ нимъ путешествіе, знакомясь съ дворами европейскихъ монарховъ, а потомъ, когда влюбленный въ невѣсту и въ ея милліоны женихъ переплылъ океанъ и истратилъ на подарки послѣднія крохи своего когда-то значительнаго состоянія,—одно печальное утро принесло ему разочарованіе въ видѣ извѣщенія о помолвкѣ его невѣсты съ нѣкимъ архимилліонеромъ новѣйшей скороспѣлой формаціи. Словомъ, теперь

Первая туника.

Вторая туника.

внучки дяди Сама не слишкомъ соблазняются громкими титулами „гнилой“ Европы и предпочитаютъ имъ нѣчто болѣе существенное, такое, что можетъ обезпечить присутствіе на свадьбѣ Вандербильтовъ, Асторовъ, Греевъ и другихъ корифеевъ Пятаго проспекта.

Полный костюмъ.



Оригинальный пріемъ популяризаціи науки.

На лекціи профессора Гайэ въ Парижѣ.

Погребальный туалетъ муміи.

Умерла.

Оживленіе муміи.

Французскій египтологъ Гайэ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, во время раскопокъ въ Антиноэ, открылъ саркофагъ изъ кирпича и въ немъ нашелъ мумію женщины, на которой превосходно сохранился роскошный костюмъ. Внутри саркофага нашли надпись по-гречески: „Здѣсь покоится Таисъ, предавшая духъ свой Богу“. Въ саркофагѣ лежали также символическіе предметы, — тростниковая корзина, четки изъ слоновой кости, нѣсколько кубковъ и іерихонская роза.

По даннымъ, собраннымъ Гайэ, Таисъ—христіанка IV вѣка, эпохи римскаго императора Адріана. Является вопросъ, почему эта христіанка въ такихъ роскошныхъ одеждахъ? Гайэ полагаетъ, что это была сначала куртизанка, а затѣмъ, подъ вліяніемъ какого-либо чувства, отреклась отъ міра и приняла христіанство. Хотя въ этой гипотезѣ и мало вѣроятія, но все-таки это самое лучшее, что можно придумать.

Закутана шалью.

8-го ноября с. г. эта мертвая Таисъ воскресла въ помѣщеніи музея Гиме въ Парижѣ, посвященнаго восточной археологіи. Таисъ изображала итальянская танцовщица парижской оперы, Тереза Церутти, которая показала при этомъ большой мимическій талантъ. Гайэ прочиталъ лекцію, на которой присутствовали элегантнѣйшіе представители и представительницы парижскаго общества. Тереза Церутти появилась изъ саркофага въ легкой фіолетовой туникѣ, ниспадавшей отъ шеи до ногъ. Профессоръ Гайэ продолжаетъ ея туалетъ и на первую надѣваетъ вторую тунику съ длинными рукавами оливковаго цвѣта, съ вышивками того же цвѣта. Затѣмъ онъ стягиваетъ ей талію узкимъ поясомъ и надѣваетъ на плечи большую шаль желтаго цвѣта и, наконецъ, обвиваетъ вокругъ головы шарфъ, который идетъ по лбу и вокругъ висковъ и образуетъ какъ бы четырехугольный вѣнецъ. Итакъ, Таисъ воскрешена, она ходитъ и поднимаетъ молитвенно руки. Затѣмъ стоитъ неподвижно, и Гайэ начинаетъ превращать ее въ мумію. Вѣнчикъ снимается съ головы и обвивается вокругъ тѣла, такъ что одинъ конецъ проводится на правую сторону груди, а другой съ нимъ перекрещивается. Въ руки положены четки и іерихонская роза. Корзина одѣвается, какъ маска, наконецъ тѣло заворачивается въ большую шаль и стягивается перевязками.

Мумія.

Таисъ погребена, и лекція закончена.

Редакторъ І. І. Ясинскій. Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель С. М. Пропперъ.